

**“В БОРЬБЕ ОБРЕТЕШЬ ТЫ ПАМЯТЬ СВОЮ”: АНТОНОВЩИНА
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТАМБОВЧАН¹**

В статье с опорой на процессно-реляционную методологию Дж. Олика, идеи К. Вульфа, А. Эрл и А. Ригни рассматриваются изменения образа крестьянского восстания под руководством А.С. Антонова. Основными источниками стали интервью с тамбовчанами и открытые материалы сети Интернет. Проанализировано влияние советского академического дискурса и трансформация образа антоновского восстания по мере расширения круга источников, изучения семейной памяти и действий, осуществляемых в рамках государственной политики памяти. Подчеркивается, что для современного образа антоновщины характерны: доминирование мифологем, эмоциональность оценок и зависимость от политических взглядов и конъюнктуры. Использование памяти об антоновщине в качестве символического ресурса и некритическое восприятие источников мешают формированию адекватного языка описания.

Ключевые слова: *крестьянское восстание в Тамбовской губернии, антоновщина, культурная память, травма, символический ресурс*

Исследование изменений, связанных с образами прошлого, а также факторов, влияющих на эти изменения, — одна из сложных задач, стоящих перед современными «memory studies». Работы Ф. Артога, А. Эрл и А. Ригни, Д. Олика показали, что культурная память о каком-либо событии не существует в сознании в виде стабильной, неизменяющейся картинки, а, скорее, представляет собой постоянно переписываемый сценарий, по которому, в лучшем случае, снято лишь несколько эпизодов. Но кто авторы этого сценария и почему они его переписывают? Кто режиссер и что зависит от актеров? В предлагаемой статье речь прежде всего пойдет о некоторых стратегиях государственной политики памяти, которые определили трактовки событий 1920–1921 гг. на Тамбовщине и о сложившихся способах репрезентации прошлого, детерминирующих современные представления об этих событиях в среде тамбовчан.

Основными источниками стали 20 неструктурированных интервью с тамбовчанами 1956–1988 гг. рождения, интересовавшихся ходом антоновского восстания, знакомых с некоторыми научными и публицистическими публикациями по этой теме. Среди них только четверо имеют историческое образование, однако антоновщина не является темой их исследований. Изначально планировалось социологическое исследование современных представлений о событиях 1920–1921 гг. с использованием метода сплошной выработки с корреляцией по возрастным группам, однако апробация показала, что большинство тамбовчан име-

---

¹Исследование выполнено за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-011-00658.

ют очень фрагментарные знания об антоновском мятеже или не имеют их вообще. Поэтому акцент был сделан на качественные методы работы с теми жителями области, которые сознательно посвятили часть своего времени выработке мнения о восстании. В качестве дополнительных источников использовались городские форумы, публицистическая и учебная литература, записи общественных дискуссий, конференций посвященных антоновщине («Взгляд на Антоновское восстание век спустя» 21 апреля 2017 г., «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова (1920-1921 гг.)» 20 мая 2017 г.).

Методологические рамки исследования были заданы процессореляционной методологией Дж. Олика, предлагавшего рассматривать память о прошлом в качестве деятельности, процесса, большое значение в котором имеют меняющиеся практики. Олик, в частности, отмечал: «целью исследования коллективной памяти должно быть понимание фигураций памяти, т.е. меняющихся отношений между прошлым и настоящим, в которых сплетаются, хоть и не всегда гармонично, образы, контексты, традиции и интересы»². Причем динамику культурной памяти во многом определяют посредники, благодаря которым воспоминания становятся публичными³. Перформативная теория К. Вульфа, некоторое положения которой также использовались при проведении исследования, позволяет понять, как социальные практики, с одной стороны, воспроизводят стандартизированные исторические образцы, а с другой – вписываются в эти образцы. С опорой на указанные теоретико-методологические рамки в статье будет проанализирован эмпирический материал, позволяющий представить формирование и развитие образа антоновского восстания в памяти современных тамбовчан.

От «бандитского мятежа» к «народному восстанию»: современная историография антоновщины

Дж. Олик обратил внимание на то, что исследователи, в основном, анализируют то, что память делает для группы, но не обращают внимание на то, что группа делает для памяти⁴. Конечно, коллективные образы прошлого лежат в основе идентичности сообществ, однако коллективы, в свою очередь, также могут формировать эти образы, влияя на свою идентичность и память следующих поколений. Например, крестьянская война под предводительством Степана Разина в советской историографии оценивалась исключительно положительно, а крестьянская война под руководством Александра Антонова вызывала резко негативные оценки. Казалось бы, в обоих случаях речь идет о крестьянском выступлении, народном восстании против государства. Но если Разин якобы боролся с феодализмом за свободу и справедливость, то Антонов посяг-

² Олик 2012. С. 44.

³ Erl, Rigny 2009. P. 2.

⁴ Олик 2012. С. 42.

нул на самый передовой строй мира, а поступить таким образом, с позиции советской историографии, мог только бандит. Борьба осталась, но государство стало другим. Поэтому образ антоновщины в исторической литературе был напрямую связан с тем, как оценивалась власть, против которой было направлено восстание.

В 1920-е гг., когда методологические рамки советской историографии еще не были выработаны, термин «крестьянское восстание» в отношении событий 1920–1921 гг. сосуществовал с обозначением выступлений крестьян как бандитизма, иногда – даже на страницах одной публикации⁵. Идеологические рамки и язык описания антоновщины задавались работами партийных и государственных деятелей (В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого и др.), связанными с разработкой продовольственной политики и оценками крестьянского хозяйства. В ряде работ, носящих, в основном, публицистический и пропагандистский характер, уже в 1920-е гг. апробируется обозначение антоновщины как «эсеровского», «бандитского», «кулацкого» мятежа, расставляются акценты, часть которых получит потом распространение в научной литературе⁶. Последующее издание краткого курса «Истории ВКП(б)» предопределило трактовку взаимоотношений крестьян и государства и задало единственно возможную дискурсивную стратегию для последующих исследователей во времена СССР. Антоновщина (как и ряд других крестьянских восстаний) трактуется как «кулацкий мятеж», возникновение которого связывалось с деятельностью оппозиционных партии эсеров, церкви и др.⁷ Несмотря на осуждение партией культа личности Сталина, являвшегося основным автором и редактором «Краткого курса», в работах 1950–1980-х антоновское восстание продолжает интерпретироваться как кулацкое, организованное контрреволюцией; внимание историков занимают партийные мероприятия, опыт подавления восстания, влияние эсеров, то есть, за редкими исключениями⁸, взгляд со стороны государства, а не восставших; часто происходила определенная «подгонка» материала под идеологически выверенные общесоюзные концепции.

В 1990-е гг., в связи с социально-политическими трансформациями и публикацией новых источников, расширяется предметное поле исследований. Авторы изучают программу Союза трудового крестьянства⁹, личность А.С. Антонова¹⁰, демографические аспекты восстания¹¹. Объявление антоновщины «тамбовской Вандеей», которое нашло отраже-

---

⁵ Покровский 1921.

⁶ Леонидов 1922; Антоновщина 1923; Какурин 1922.

⁷ Михалев 1941.

⁸ Донков 1972.

⁹ Есиков, Канищев 1993.

¹⁰ Самошкин 1994.

¹¹ Дьячков 2014.

ние в ряде научных публикаций¹² (несмотря на то, что параллели имели, скорее, эмоциональное, чем научное содержание), а также переосмысление некоторых аспектов советского прошлого задали новые теоретико-методологические рамки. События на Тамбовщине анализируются в контексте аграрной революции¹³, крестьянской революции¹⁴, «Большого Восстания»¹⁵ и представляются как причина не только нэпа, но и отказа от продолжения революционного освободительного похода Красной Армии в Европу и самой идеи мировой революции¹⁶; восставшие, таким образом, оказываются спасителями не только крестьян от продрозверстки, но и всей Европы от нашествия «красных». Если в советской историографии доминировали негативные оценки восстания, то в современных публикациях негатив, в основном, на стороне тех, кто подавлял антоновщину. Сегодня довольно мало качественных работ, в которых авторы смогли удержаться от однобоких эмоциональных оценок.

Распространение терминов «народное сопротивление», «антибольшевистское движение», «крестьянское повстанчество», частично перешедших в современные работы из дискурса Гражданской войны, эмигрантской историографии и западных публикаций, оказывается не только следствием переосмысления изучаемых событий, но и показателем смены политической обстановки. Но несмотря на обратную идеологическую заданность, можно констатировать преемственность некоторых выводов советских и современных историков. Так, Б.В. Сенников, объяснивший антоновщину «геноцидом, проведенным коммунистами в то время на Тамбовщине», как и советские исследователи, считает, что антоновщина была организована противниками большевиков, в частности, белым движением¹⁷. В современных работах продолжает встречаться трактовка крестьянских выступлений, в т.ч. антоновщины, «как наиболее яркого образца антисоветского бандитизма начала 1920-х гг.», в качестве одной из причин распространения восстания указывается высокий процент «кулацко-зажиточных хозяйств». Антоновщина, по мнению авторов, «явилась одной из многочисленных попыток российской контрреволюции и мировой буржуазии разрушить союз рабочего класса и крестьянства, поднять крестьянство против Советской власти и тем самым добиться свержения диктатуры пролетариата»¹⁸.

В библиографическом указателе «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920–1921 гг.» содержится около 800 наименований

¹² Алешкин, Васильев 2010; Васильева, Долгов, Скрыпников 2011.

¹³ Данилов 1992; Данилов 1996.

¹⁴ Булдаков 1997.

¹⁵ Сазонов 2001. С. 75.

¹⁶ Куреньшев 2001. С. 45; Алешкин 2016.

¹⁷ Сенников, Самошкин, Литовский 2009.

¹⁸ Глушенко, Жаркой 2007.

различных публикаций¹⁹, но вряд ли это можно назвать однозначным критерием всестороннего охвата темы. Ввод новых источников в научный оборот, расширение предметного поля исследований, анализ событий на Тамбовщине через особенности крестьянского менталитета, безусловно, оказывают существенное влияние. Однако иногда представление о менталитете выступает определяющим, а не определяемым понятием, т.е. позволяет не получить ответы, а задавать меньше вопросов, заменяя таким образом осмысление феномена его оценками.

Битва за памятник

Описываемая М. Фуко борьба между библейской и римской версией прошлого как историей сообществ и политической историей²⁰ разворачивается не только на страницах академических журналов и на университетских кафедрах, но и в сообщениях на городских форумах, выступлениях на митингах, общественных слушаниях. Разговоры о том, что было «на самом деле» в 1920–1921 гг., представляют собой не столько попытку понять антоновщину, сколько конфликт двух трактовок прошлого: со стороны государства и тех, кто восстал против него.

Казалось бы, тенденции развития как историографии, как и публичной истории, связанные с пересмотром данных в советский период оценок, должны вызвать практически единодушное сочувствие к восставшим (что мы видим в большинстве документальных фильмов, песнях, многих публицистических работах и т.д.), но этого не происходит. Иллюстрацией того, что антоновщина спустя почти сто лет, все так же разъединяет людей, оказывается история вокруг предполагаемого памятника жертвам антоновщины, который можно трактовать как «проект памяти» в терминологии И. Ирвин-Зарецкой, т.е. как запланированные и предпринятые действия, в задачу которых входит сохранение памяти о тех или иных исторических событиях для будущих поколений²¹.

Первая попытка объявить о необходимости памятника участникам антоновского восстания была предпринята еще 20 лет назад, когда Сергей Клишин, действовавший на тот момент депутат Тамбовской городской Думы, установил за свои деньги первый закладной камень. Однако это действие было не согласовано с требованиями местного законодательства, и камень пришлось убрать. Вскоре в день гибели Александра Антонова 24 июня 1999 года возле ограды Казанского монастыря (место, где располагался один из лагерей для повстанцев) состоялось торжественное открытие мемориальной доски, на этот раз в соответствии с муниципальным законодательством, но она продержалась две недели и была увезена ночью в неизвестном направлении.

---

¹⁹ Соболева 1994.

²⁰ Фуко 2005.

²¹ Irvin-Zarecka 1994.

Ровно через год на том же месте был установлен памятный знак участникам восстания с вызывающей цитатой Александра Антонова «Бороться за правое дело приходится, братцы, самим только нам. Бороться честно, храбро и смело – во имя Веры, Родины и Правды». Меньше, чем через год, ночью 1 мая 2001 года, памятник опять же был демонтирован. 24 июня 2002 года на торжественной церемонии с участием около 100 тамбовчан, гостей города, представителей РПЦ, был установлен закладной камень на углу улиц Набережной и М. Горького. Он простоял довольно долго по сравнению со своими предшественниками, до 2010 г., когда злоумышленники изобразили свастику и камень убрали для ремонта. Только после петиции в сети Интернет и обращения активистов к губернатору в 2017 г. закладной камень был восстановлен. Но история на этом не заканчивается. Представители областного комитета «Коммунистической партии Российской Федерации» отметили, что установка камня не соответствует действующим нормативным актам, и прокуратура встала на их сторону. Только вмешательство председателя Тамбовской городской Думы и главы города позволили довольно быстро собрать необходимые документы для легализации закладного камня.

Казалось бы, речь идет даже не о памятнике, несущем идею, который надо увековечить, а только о нейтральном обещании такого памятника, однако и оно вызывает негативную реакцию. Эта история, которая оценивается активистами как «противостояние городских властей и немалой части городской общественности, равнодушной к своему прошлому»²², на деле представляет собой конфликт не только двух интерпретаций восстания, но двух образов истории. Обе стороны (условные «сторонники» и «противники» участников восстания) сохраняя сложившуюся в советской историографии мифологичность и дихотомию оценок, говорят, прежде всего, не о конкретном эпизоде, а про модель исторического нарратива вообще.

Фуко показал, как при недостатке источников прошлое превращается в рассказ о нем. Несмотря на обилие публикаций, в т.ч. интересных и довольно полных сборников источников, посвященных антоновщине, дискурс современных тамбовчан, скорее, оказывается дискурсом антиистории, в соответствии с которым «законы обманывают, короли маскируются, власть распространяет иллюзии, а историки лгут»²³. Каждая из сторон обвиняет другую в подлоге документов и искажении фактов, ссылаясь в качестве доказательства на «правильных исследователей», наличие соответствующего образования у которых не является обязательным. Знание об антоновщине оказывается сакральным: рассказ бабушки-соседки, которая видела тех, кто видел Антонова, имеет больший

²² Роман с камнем...

²³ Фуко 2005. С. 86.

вес, чем исследования историков, если они не совпадают с рассказом бабушки и сложившейся версией. Возникает общественная дискуссия, каждый из участников которой испытывает сильное эмоциональное давление, так как предметом разговора является не личность участников восстания или его подавления, а модель прошлого для настоящего.

Например, в дискурсе об антоновщине всегда присутствует «народ» как хранитель исторической правды и справедливости, но одни называют «народом» восставших, а другие – власть, отражающую интересы народа. Из спора про памятник разговор превращается в дискуссию о том, кто же все-таки «настоящие бандиты» и «настоящий народ». В качестве доказательства своей точки зрения представители каждой из сторон называют действия, которые, по их мнению, можно отнести к «бандитским» – например, использование химического оружия большевиками (в выступлениях сторонников восставших является своеобразной аксиомой, несогласие с которой однозначно переводит в стан противников), расстрелы заложников, жестокость подавления выступления, которое «утопили в крови». Антонов и его сторонники не могут быть «бандитами», потому что разработали свою политическую программу, организацию, меры по восстановлению государства. Активисты называют антоновщину «геноцидом русского народа»²⁴, организованного большевиками, подчеркивают необходимость его признания. Большевизм в такой трактовке приобретает характер абсолютного зла, любые методы борьбы с которым приветствуются, а поддержавшие революцию довольно некорректно называются «иноземцы и отечественное отребье»²⁵.

Те, кто считают «бандитами» восставших, находятся в более выгодном положении, так как повторяют уже разработанный советский дискурс о необходимости сохранения государства и тех социальных благах, которые были в СССР, используя таким образом все победы и достижения социализма как доказательство правильности действий власти («как бы мы в войне победили, если бы крестьяне продолжали хлеб прятать»). Речь может идти об определенных «перегибах» (опять же, актуализируя советский идеологический дискурс), но в целом политика государства по отношению к антоновщине трактуется в качестве государственной необходимости в условиях военного времени, а восставшие характеризуются как преступники и их поделщики. Сохраняется появившаяся еще в советской историографии тенденция считать выступление не крестьянским, народным, а инициированным эсерами или белым движением, несмотря на то, что ошибочность этого утверждения доказывалась профессиональными историками. Лозунг восставших «в борьбе обрешь ты право свое» трактуется или как доказательство связи лиде-

²⁴ Признайте геноцид...

²⁵ Сенников, Самошкин, Литовский 2009.

ров восстания с эсерами,²⁶ или как единственно возможный в условиях того времени способ забрать по праву принадлежащее крестьянам²⁷.

На такие сложившиеся образы восстания повлияло несколько факторов. Во-первых, меняющиеся государственные оценки Гражданской войны и Октябрьской революции, а также государственная политика памяти в отношении жертв Гражданской войны и крестьянских выступлений, о чем подробно будет сказано ниже. Во-вторых, инерция имеющегося языка описания, которая противоречит изменению трактовок. Рефлексирующая интеллигенция может использовать для понимания событий 1920–1921 гг. на Тамбовщине другие модели, проводя не всегда корректные параллели. В качестве примера можно привести определение антоновщины как «тамбовской Вандеи», данное Солженицыным, и получившее широкое распространение, в т.ч. среди тамбовских исследователей²⁸. Однако носители семейной памяти зачастую не знакомы с другим языком описания, кроме привычного советского дискурса, поэтому, даже участники восстания говорили, что они «были в банде», «хлеб прятали» и т.д.; эти же термины повторяют (хотя значительно реже) современные респонденты. Обозначение участников восстания как «бандитов» встречается в современном учебнике краеведения, несмотря на то, что, в целом, рассказ проникнут сочувствием к крестьянам²⁹.

Отсутствие адекватного языка описания и поиски новых теоретических моделей приводят к тому, что антоновщина осмысливается в контексте репрессий. Защищая будущий памятник участникам восстания, активисты ссылаются на Концепцию и Федеральный закон об увековечении памяти жертв политических репрессий, подписанный В.В. Путиным 10 марта 2016 г.; погибших во время антоновщины вспоминают в День памяти жертв политических репрессий. Жестокие меры расправы государства с восставшими описываются в соответствующей терминологии. Эта рамка позволяет расставить однозначные оценки, разделить «своих» и «чужих», однако приравнивание «севших за анекдот» и тех, кто с оружием в руках выступил против государства, представляется не совсем оправданным. События на Тамбовщине в соответствии с этой рамкой оцениваются как одно из преступлений советского государства, что позволяет в дальнейшем обращаться к антоновщине как к определенному символическому ресурсу, который используется для оправдания своей политической (как правило, либеральной) позиции.

Третьей причиной, влияющей на формирование современного образа антоновщины, оказывается семейная история жителей Тамбовской

---

²⁶ Топильский 2012.

²⁷ Писарев.

²⁸ Канищев, Кончаков, Романенко, Воробьев 2008.

²⁹ Краеведение 2007.

области. Сейчас, спустя несколько поколений, большинство тамбовчан имеют близких родственников, связанных с обоими сторонами восстания, и высказывать однозначные оценки для них – это осудить какую-то часть своей семьи. Роль сыграло и табу на разговоры про антоновщину, которое существовало в советский период. Его следствием является то, что большинство тамбовчан сейчас не готовы сказать, на какой стороне воевали их родственники. При этом установка памятниками жертвам с обеих сторон как компромиссный вариант никого не устраивает, причем конфликты возникают не только при обсуждении судьбы закладного камня. Как рассказал один из респондентов: «Лет двадцать назад я как-то на работе во время перекура немного порассказал про события 20-х годов, так один “нервный” чуть драться на меня не кинулся. Оказывается, его деда (или прадеда, ну, родственника) антоновцы пилой распилили где то в с. Криуша, он там комитет бедноты (бездельников, как бабуля говорила) возглавлял» (М., 38 л.).

Необходимо заметить, что, в целом, интерес к этому событию в области гораздо ниже, чем следовало бы ожидать. Сведения об антоновщине носят фрагментарный характер, эмоциональная сопричастность с какой-либо из сторон восстания свойственна лишь немногочисленным активистам. «Борьба за памятник» не коснулась большинства жителей города. Довольно показательна реакция пользователя Ютуба на выступления представителей тамбовского обкома КПРФ: «Такое чувство, что людям заняться больше нечем. Находят проблему на ровном месте. Надо взять всю эту энергию, которая идет на передвижение камней по территории города, да направить в нужное русло. Город разбегается, люди уезжают, т.к. работать негде, а они камни двигают»³⁰.

Таким образом, память об антоновщине существует как определенный связанный нарратив, как правило, представляющий собой продолжение заложенных советской историографией представлений, языка описания, или борьбу с ними. Для активистов характерны полярные оценки и эмоциональность восприятия аргументов противоположной стороны. Споры идут не о памятнике как таковом, а об оценках государственной политики, отношениях власти и народа, образе истории.

Памятник тамбовскому крестьянину и политика памяти

Однозначное противопоставление римской и библейской версии прошлого, о котором, со ссылкой на Фуко, упоминалось выше, было бы упрощением. Память и история сообществ формируется в рамках, часть из которых задается государством и политическим дискурсом. Дискурс сообществ при этом далеко не всегда абсолютно подавляется государством: каждая форма памяти (официальная, народная) влияет на другую и «не может быть понята без изучения других форм памяти и других

³⁰ Тамбовские коммунисты...

элементов ситуации»³¹. Реабилитация памяти как одной из форм знания о прошлом заставила обратить внимание на исторические образы как символический ресурс и социальную роль этого ресурса. Если либеральные активисты используют память об антоновщине для доказательства «бандитской» природы государства, в т.ч. существующей власти в России, то задача официальной политики памяти состоит именно в снижении конфликтного потенциала памяти о состоянии. Фуко называл историю, прежде всего, дискурсом власти и дискурсом обязанностей, «с помощью которых власть подчиняет; это также дискурс сияния, с его помощью власть ослепляет, терроризирует, удерживает»³².

В отличие от закладного камня памятника жертвам восстания, памятник тамбовскому крестьянину был инициирован местной администрацией в рамках формирования государственного образа событий Гражданской войны. «Мужик», как называют его местные жители, или официально «Памятник тамбовскому мужику», был установлен в 2007 г. По мысли автора, скульптора Виктора Острикова, настоящий крестьянин стоит над политикой и идеологией, работает на земле и хранит веру отцов³³. Он смотрит вдаль и крестится, наверное, прося благословения перед началом тяжелого труда в поле. Под его ногами и пулемётная лента, и шашка, и стяг «Вся власть советам». Образ, воплощенный Остриковым, символизирует земляка, стремящегося к мирному труду на благо своих близких, его руки привыкли к сохе, а не оружию. Памятник тамбовскому крестьянину, который является одним из символов области, на некоторых ресурсах объявляется памятником жертвам антоновщины³⁴, но активисты не согласны с такой трактовкой. До сих пор не ясно, с какой целью совершались акции вандализма по отношению к монументу, возможно их инициировали те, кто был недоволен самой идеей «мужика», увековечивающего не столько труд хлебопашца, сколько тяжелое положение крестьянства и его выбор труда, а не войны за свои права.

Еще 18 июня 1996 года Президентом РФ был подписан указ № 931 «О крестьянских восстаниях 1918–1922 годов», в соответствии с которым участники выступлений не могли быть признаны бандитами, а репрессии в их отношении морально осуждались. Однако, во-первых, за этим указом не последовало каких-либо действий, на практике реализующих государственную политику памяти, а во-вторых, непонятно, кого имело в виду государство в этом указе. Например, попытки реабилитировать некоторых «антоновцев» натолкнулись на противодействие генеральной прокуратуры, которая отметила, что указ о реабилитации № 931

---

³¹ Олик 2012. С. 51.

³² Фуко 2005. С. 84.

³³ Виктор Остриков 2012.

³⁴ Тамбовское восстание...

от 18.06.96 «распространяется только на участников восстаний, а не на их организаторов и руководителей бандформирований». Это решение было подтверждено и судами высших инстанций. То есть, государство готово «морально осудить» свои действия по отношению к рядовым крестьянам, которые взяли вилы, но продолжает считать себя правым в отношении руководителей восстания, противостоявших большевикам. Принять сторону «антоновцев» власть считает стратегически неверным, так как восставшие выступали против государства, преемственность с которым современная Россия сохраняет. Власть оказывается в своеобразной ловушке, так как не может признать права лидеров восстания на реабилитацию, легитимизовав таким образом, право на восстание против своего государства, однако не может встать на сторону тех, кто подавлял восстание, потому что жестокость акций противоречит государственной исторической политике и может привести к расколу граждан России. Олик отмечает; несмотря на то, что поле власти является метаполем, «не значит <...> что это единственный реально существующий тип памяти, а остальные – проигравшие версии или вообще что-то другое»³⁵. Так как символический ресурс антоновщины, в основном, используется политическими и общественными силами, которых условно можно отнести к «внесистемной оппозиции», борьба с реабилитацией участников восстания для государства приобретает характер борьбы с линией, с которой связаны эти силы. Прошлое, таким образом, в очередной раз оказывается не только и не столько рассказом о прежних событиях, сколько ресурсом, используемым различными силами для легитимации ныне актуальных идей. Поэтому признается, что крестьяне в основной массе были жертвами, и не только продовольственной политики руководства государства, но и бандитской пропаганды лидеров восстания, преследовавших, в свою очередь, собственные интересы.

Памятник, который сейчас находится в сквере «Сочи», в целом соответствует современной интерпретации антоновщины представителями государства. Заместитель главы администрации Тамбовской области Наталья Астафьева отметила на открытии конференции, посвященной Антоновскому восстанию в 2017 г. (задав таким образом рамки дальнейших обсуждений), недопустимость «намеренного обострения крайних оценок», подчеркнув, что «жестокие меры продразверстки были обусловлены желанием обеспечить хлебом Красную армию», а цинизм продразверстки на Тамбовщине был связан с действиями местных властей. То есть, была озвучена уже известная «примирительная» трактовка, в соответствии с которой действия государства оправдываются необходимостью, а личность Антонова объявляется «спорной». Крестьянин, независимо от того, на какой стороне он погибал, оказывается жертвой,

³⁵ Олик 2012. С. 48.

с одной стороны, борющейся за сохранение власти верхушки восстания, а с другой – представителей репрессивного аппарата государства. Для этого довольно спорная личность Антонова максимально убирается из мифологичной истории крестьян, борющихся за справедливость.

Необходимо отметить, что память об антоновщине используется в качестве символического ресурса не только оппозиционерами, но и государством. Антоновщиной объясняется то, что Тамбовская область на какое-то время исчезала с карты Советского Союза как самостоятельный регион, а потом вернулась в «урезанном виде». Это преподносится как причина и главный фактор современных экономических проблем Тамбовщины (так, отмечается, что относительно богатые города оказались теперь самостоятельными административными единицами или вошли в другие области). Эта идея признана на официальном уровне. Областная общественно-политическая газета «Тамбовская жизнь» в статье, посвященной 75-летию области (26.09.2012), утверждала, что именно после антоновщины «непокорная губерния» была уничтожена. Однако по факту только в 1923 г. (т.е. через 2 года после окончания восстания) от области отошли 4 северных уезда, в 1925 г. еще часть четырех южных и западных районов, а в 1928 г. Тамбовщина становится частью (вместе с Воронежской, Курской, Орловской) Центрально-Черноземной области. В 1937 г. Тамбовщина будет восстановлена, но только в 1939 г. она приобретет современные границы, уже без Пензы. Подобные изменения территорий были характерны не только для родины антоновщины, но и для других регионов, история которых не была связана с крупными восстаниями и вызывались не запоздалой мезьтю большевиков, а поисками наиболее эффективных вариантов управления страной.

Несколько лет именно в сквере «Сочи», где стоит памятник крестьянину, находился тамбовский гайд-парк, в котором проходили и дни памяти жертв политических репрессий, но по факту это одно из популярных для горожан мест прогулок и отдыха. Тамбовчане, как правило, не связывают изображение «Мужика» с антоновщиной, а голые ноги крестьянина ассоциируются у них не с тяжелым трудом в поле, а с босоножим персонажем современного эпоса – хоббитом. Можно сказать, что государственная стратегия памяти оказалась успешной. Если люди не помнят антоновщину, то нет и конфликтов, связанных с тем, кто на какой стороне был. Но это не значит, что крестьянин не может поднять шашку, которая сейчас лежит у него под ногами.

***

Если с точки зрения хронологии память об антоновщине перешла из коммуникативной в культурную (в терминологии Я. Ассмана), то институционально говорить о культурной памяти преждевременно, так как коммеморативные практики затруднены или несут ситуативный характер, а слышавший рассказы своей бабушки тамбовчанин считает

себя более компетентным, чем историк-специалист. Попытки установить современную официальную версию образа антоновского восстания в виде памятника тамбовскому крестьянину наталкиваются противодействие активистов, не согласных с предлагаемой трактовкой. Конкуренция различных полей за символический ресурс, связанный с восстанием, а также инерция академического и официального дискурса приводят к подвижности границ образа, доминированию мифологем, связанных с акцентированием «правды» какой-либо одной из сторон.

В новой редакции на закладном камне, вызывающем столько споров, надпись «на этом месте будет установлен памятник жертвам народно-крестьянского восстания под руководством Александра Степановича Антонова» изменили на «...памятник участникам народно-крестьянского восстания 1920-1921 годов». Пока не поставленный памятник напоминает об компромиссе, но этот компромисс – не точка в формировании образа антоновщины, а лишь небольшая пауза в борьбе за память.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алешкин П. Тамбовское восстания (1920-1921 гг.) Антоновщина. М., 2016 [Aleshkin P. Tambovskoe vosstaniya (1920-1921 gg.) Antonoshhina. M., 2016]
- Алешкин П.Ф., Васильев Ю.А. Тамбовская Вандея: Антоновщина // Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий. М., 2010. С. 298-432 [Aleshkin P.F., Vasil'ev Ju.A. Tambovskaja Vandeya: Antonovshhina // Krest'janskaja vojna v Rossii v usloviyah politiki voennogo kommunizma i ee posledstvij. M., 2010]
- Антоновщина: Статьи, воспоминания и др. Материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губернии / Под ред. С.В. Евгенова, О.С. Литовского. Тамбов, 1923 [Antonovshhina: Stat'i, vospominaniya i dr. Materialy k istorii jesero-banditizma v Tambovskoj gubernii / Pod red. S.V. Evgenova, O.S. Litovskogo. Tambov, 1923/]
- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 [Buldakov V.P. Krasnaja smuta. Priroda i posledstviya revoliucionnogo nasilija. M., 1997].
- Васильева Т.В., Долгов К.А., Скрыпников А.В. Истоки крестьянской Вандеи // Вестник Московского городского пед. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2011. № 2. С. 61-73 [Vasil'eva T.V., Dolgov K.A., Skrypnikov A.V. Istoki krest'janskoi Vandei // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogichesk. un-ta. Ser.: Istoricheskie nauki. 2011. № 2. S. 61-73].
- Виктор Остриков: «Есть критика, значит, не зря трудился» // Литературный Тамбов. 2012. № 1. С. 17-18 [Viktor Ostrikov: «Est' kritika, znachit, ne zrya trudilsja» // Literaturnyj Tambov. 2012. № 1. S. 17-18]
- Глущенко П.П., Жаркой М.Э. Карательная политика советского государства в период подавления политического бандитизма начала 1920-х гг.: система, содержание, тактика // Общество и право. 2007. № 4. С. 11–18 [Glushhenko P.P., Zharkoj M.Je. Karatel'naja politika sovetskogo gosudarstva v period podavlenija politicheskogo banditizma nachala 1920-h gg.: sistema, sodержanie, taktika // Obshhestvo i pravo. 2007. № 4. S. 11–18].
- Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992 [Danilov V.P. Agrarnye reformy i agrarnaja revoliucija v Rossii // Velikij neznakomec: Krest'jane i fermery v sovremennom mire. M., 1992].
- Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. (О первых результатах исследований по коллективному проекту) // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. М., 1996. С. 53–58 [Danilov V.P. Krest'janskaja revoliucija v Rossii. 1902–1922 gg. (O pervyh rezul'tatah issledovaniy po kolektivnomu proektu) // Gumanitarnaja nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty. M., 1996. S. 53–58].
- Донков И.П. Антоновщина: Замыслы и действительность. М., 1972 [Donkov I.P. Antonovshhina: Zamysly i dejstvitel'nost'. M., 1972].

- Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 3. С. 128–141 [D'jachkov V.L. Prirodno- i social'no-demograficheskie faktory rosta krest'janskoj agressii v pervoj treti NN v. (Tambovskij sluchaj) // Istorija i sovremennost'. 2014. № 3. S. 128–141].
- Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский нэп. (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 69–71 [Esikov S.A., Kanishev V.V. Antonovskij njer. (Organizacija i dejatel'nost' «Sojuza trudovogo krest'janstva» Tambovskoj gubernii 1920-1921 gg. // Otechestvennaja istorija. 1993. № 4. S. 69–71].
- Казakov А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 34–35 [Kazakov A. Obshhie prichiny vozniknovenie banditizma i krest'janskih vosstanij // Krasnaja Armija. 1921. № 9. S. 34–35].
- Какурин Н.Е. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командования // Военная наука и революция. 1922. № 1 [Kakurin N.E. Organizacija borby s banditizmom po opytu Tambovskogo i Vitebskogo komandovanija // Voennaja nauka i revoljucija. 1922. № 1].
- Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Романенко Е.В., Воробьев К.В. Электронная выставка «Тамбовская Вандея» (Антоновщина) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2008. № 35. С. 18–19 [Kanishhev V.V., Konchakov R.B., Romanenko E.V., Vorob'jov K.V. Jelektronnaja vystavka «Tambovskaja Vandeja» (Antonovshhina) // Informacionnyj bjulleten' associacii Istorija i komp'juter. 2008. № 35. S. 18–19].
- Краеведение: История Тамбовского края. Учебник для 7–9 классов общеобразовательных учреждений. Тамбов: Юлис, 2007 [Kraevedenie: Istorija Tambovskogo kraja. Uchebnik dlja 7-9 klassov obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. Tambov: Julis, 2007].
- Куреньшев А.А. «Революционная война» и крестьянство // Отечественная история. 2001. № 6. С. 33–46 [Kurenyshev A.A. «Revoljucionnaja vojna» i krest'janstvo // Otechestvennaja istorija. 2001. № 6. S. 33–46].
- Михалев Г.Н. Разгром кулацко-эсеровского мятежа в Тамбовской губернии // Ученые записки ТГПИ. Тамбов, 1941. Вып. 1 [Mihalev G.N. Razgrom kulacko-jeserovskogo mjatezha v Tambovskoj gubernii // Uchenye zapiski TGPI. Tambov, 1941. Vyp. 1].
- Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74 [Olik D. Figuracii pamjati: processno-reljacionnaja metodologija, illjustriruemaja na primere Germanii // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. T. 11. № 1. S. 40–74].
- Писарев Е. Антонов огонь // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/05/25/reg-cfo/chto-stalo-prichinoy-antonovskogo-vosstaniia.html> [Pisarev E. Antonov ogon' // Rossijskaja gazeta. URL: <https://rg.ru/2017/05/25/reg-cfo/chto-stalo-prichinoy-antonovskogo-vosstaniia.html>].
- Покровский М.Н. Контрреволюция за четыре года. М., 1922 [Pokrovskij M.N. Kontrrevoljucija za chetyre goda. M., 1922].
- Признайте геноцид населения Тамбовщины в 1920–1921 гг.! [Priznajte genocid naselenija Tambovshhiny v 1920-1921 gg.!] // URL: <https://www.change.org/p/обращение-русской-общественности-в-связи-с-95-летием-тамбовского-восстания-признайте-геноцид-населения-тамбовщины-в-1920-1921-гг.>
- Роман с камнем // Живой Журнал. [Roman s kamnem // Zhivoj Zhurnal. URL: <https://vetumtrud.livejournal.com/1472584.html>].
- Сазонов В.В. У истоков крестьянского восстания на Тамбовщине // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 75–83 [Sazonov V.V. U istokov krest'janskogo vosstaniya na Tambovshhine // Voprosy istorii. 2001. № 4. S. 75–83].
- Самошкин В.В. Александр Степанович Антонов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 66–76 [Samoshkin V.V. Aleksandr Stepanovich Antonov // Voprosy istorii. 1994. № 2. S. 66–76].
- Сенников Б.В., Самошкин В.В., Литовский А.Н. История уничтожения лучших людей Тамбовщины. Тамбов: [б.и.], 2009 [Sennikov B.V., Samoshkin V.V., Litovskij A.N. Istorija unichtozhenija luchshih ljudej Tambovshhiny. Tambov : [b.i.], 2009].

- Соболева А.А. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.): библиографический указатель. Тамбов: МИНЦ, 1994 [Soboleva A.A. Krest'janskoe vosstanie v Tambovskoj gubernii (1920–1921 gg.): bibliograficheskiy ukazatel'. Tambov: MINC, 1994].
- Тамбовские коммунисты требуют снести закладной камень жертвам Антоновского восстания // Тамбовский влог [Tambovskie kommunisty trebujut snesti zakladnoj kamen' zhertvam Antonovskogo vosstaniya // Tambovskij vlog. URL: <https://ru-clip.com/video/CytWGscwmDc/тамбовские-коммунисты-требуют-снести-закладной-камень-жертвам-антоновского-восстания.html>].
- Тамбовское восстание // Википедия [Tambovskoe vosstanie // Vikipedija. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тамбовское_восстание_\(1920-1921\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тамбовское_восстание_(1920-1921))].
- Топильский С. «Антоновщина»: правда, ложь и документы // Литературный Тамбов. 2012. № 2-3. С. 49–58 [Topil'skij S. «Antonovshhina»: pravda, lozh' i dokumenty // Literaturnyj Tambov. 2012. № 2-3. S. 49–58].
- Фуко М. «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005 [Fuko M. «Nuzhno zashhishhat' obshhestvo». Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1975-1976 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2005].
- Erl A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / ed. by A. Erl, A. Rigney. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.
- Irvin-Zarecka I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. New Brunswick, N.J.: Transaction Publisher, 1994.

Головашина Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ovgolovashina@mail.ru

In the battle you will attain your memory: peasant uprising 1910-1921 in the views of modern residents of Tambov region

The author of the article, based on the process-relational methodology J. Olicka, ideas by K. Wolfe, A. Earl and A. Rigney, examines changing image of the peasant uprising under the leadership of A.S. Antonov. The main sources in the work of steel interview with residents of Tambov region and opening the materials on the Internet. The author analyzes the influence of the Soviet academic discourse and the change of political identity, expanding the range of sources, family memory and public memory policy. The author emphasizes that the modern image of peasant uprising 1920–1921 is characterized by the dominance of mythology, emotionality of assessments and dependence on political views. Using the memory of the peasant uprising 1920–1921 as a symbolic resource as well as uncritical acceptance of the sources prevent the formation of adequate language for the description of the peasant uprising in Tambov region.

Keywords: peasant uprising in Tambov region, cultural memory, trauma

Oksana Golovashina, PhD in History, Associate Professor of Philosophy and Methodology of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, ovgolovashina@mail.ru